

Народные обычаи в дни праздников Пресвятой Богородицы

Erzsébet Kaman

Dedicated to the memory of my mother.

Folk Customs Accompanying the Celebrations of Mother Mary. The annual celebrations of Mother Mary's holidays in Russia do not consist only of church prayers on the days of Mother Mary's Birth, Presentation in the Temple, Annunciation, Mary With Her Cloak as Protectress, Assumption, and of honouring her miraculous icons, but also of numerous rituals and customs.

Much has been written about such celebrations by Russian ethnographers in 17th and 19th century. Researchers in the 20th century have been looking for the archaic basis of these celebrations, their nature and their linguistic connections. They tried to discover the structure of the folk culture and did not pay much attention to the nature of the celebrations practiced among the people. The author has found a new methodological approach for researching the characteristics of the celebration rituals in the works of V. Turner who tried to see man as a whole, not only as a rational being. In the works of S.S. Averincev the author detected specific emotions in the perception of holiness, as opposed to the »meek« and »terrifying« perception of holiness found in the Western civilization, or the »rational« one in the Byzantine world.

Годовые праздничные дни Богородицы – не просто установленные церковью дни поминовения Рождества Богородицы, Ее Введения во храм, Благовещения, Покрова, Успения Богородицы, празднования Ее чудотворных икон. Эти дни богаты народными обрядами и обычаями.

Русские этнографы 18–19 веков сохранили для нас многое из этих обычаев. Исследователи 20-го века пошли иным путем, отыскивая архаические первоосновы праздничных ритуалов, изучая природу ритуала и его связь с вербальным фольклором, стремясь раскрыть механизмы, созидающие структуру народной культуры. Характер народного празднования церковных праздников мало привлекал их внимание.

Мою тему можно было бы считать частью «бытового христианства»: молитвы дома утром и вечером, молитва перед отправлением в дорогу, благословение молодых перед отправлением в церковь, «божьба» (обращене к Богу за подтверждением правоты в споре) и т.д. В 20-ые годы 20 века в России изучали бытовое православие, но как видно из заглавия методического пособия (Маторин Н.М., Невский А.А.: Программа для изучения бытового православия. Восточно-европейский синкретизм. Ленинград, 1930), христианские обычаи рассматривались вкупе с архаическими «пережитками».

Понятию праздника как дня сакрального посвящены многие исследования.

Вячеслав Иванов в монографии «Дионис и прадионисийство» (Баку 1923), сравнивая культовые обряды празднования Диониса на материке и островах Греции, приходит к выводу, что празднование в Афинах умирающего и воскресающего божества уже свидетельствует о том, что греки ступили на водосклон, ведущий к христианству.

Книга М.М.Бахтина о творчестве Франсуа Рабле и народной культуре эпохи средневековья и ренессанса создавалась в 30-ые годы 20-го века одновременно с книгой В.Я.Проппа «Русские аграрные праздники». В них отразился различный подход ученых к теме русского карнавала.¹

В монографии Проппа выявлена древняя природа этих праздников, лежащая в их основе архаическая аграрная религия славян, связавшая воедино праздники круглого года. Однако в книге не могли быть выражены взгляды ученого на более поздний христианский период в жизни славян. Их мы можем найти в разбросанных по разным изданиям статьях ученого.

Однако в книгах М.Бахтина и В.Проппа праздник – это большое событие для всего народа, указывающее на лежащее в его глубине, когда-то произошедшее событие сакрального значения, изменившее ход времени, ставшее поворотным пунктом в жизни народа. Это могло быть и историческое событие, повлиявшее на уклад жизни народа и способствовавшее сложению характера данного этноса.²

Исследованию ритуала в традиционной культуре посвящена монография А.К.Байбурина. Исследователь считает, что ритуал «поддерживает целостность культуры», «направляет поведение людей не столько вовне, сколько вовнутрь на поддержание целостности «своего мира» и в еще более сокровенное – в сферу духовного».³ И хотя проблема праздника, сфера праздничного не получает дефиниции в монографии, исследователь приводит обильный материал народных обычаев в такие дни, как рождение, брак человека, переезд в новый дом и его строительство, возрастные переходные обряды, похороны, то есть – именно в поворотные моменты жизни человека.

Новый методологический подход к исследованию природы праздничного ритуала, объяснение выбора места его совершения, различных ролей его участников, символики используемых при этом предметов я нашла в работах Виктора Тернера. Ему не сразу удалось преодолеть, как он выразился, «религиозную немзыкальность» социологов своего поколения. Он сам долго воздерживался от собирания материала о ритуалах африканских племен, среди которых он работал. Вскоре он понял, что если он хочет понять «любой сегмент культуры» племени, он должен преодолеть свое предубеждение. Ведь «исполнение ритуала часто связано с кризисом общественной жизни деревни.»⁴ В отличие от К. Леви Стросса он видит в символах ритуалов не только «факторы познания». «Эвокативные приемы ритуала возбуждают, направляют и усмиряют такие мощные эмоции, как ненависть, страх,

¹ Каман Эржебет: Парадигма праздника в трудах М.М.Бахтина и В.Я.Проппа. In *Studia mytologica slavica*. Ljubljana 1999, t. 2, 261–275.

² Пропп В. 1973, 1976, 2002.

³ Байбурин А. 1991, 5, 7.

⁴ Turner V. 1977, 6, 10.

привязанность и горе.»⁵ Ритуал захватывает не только разум, но и все существо человека. При его исполнении «личная судьба человека связывается с символами космического протекания жизни и смерти.»⁶ В. Тернер считает, что «отдельный символ фактически представляет одновременно многие вещи... Их референция не одного логического порядка, но выводится из многих областей социального опыта и этических оценок людей.»⁷

В России праздновались все даты жизни и трудов Богоматери, но и в таких великих праздниках, как Рождество Христово, Пасха, Воскресение Иисуса Христа она была рядом с Сыном главным действующим лицом.

После крещения Руси, наряду с центральными храмами Софии Премудрости Божьей, Св. Георгия над Золотыми воротами Киева и Новгорода, над многими монастырскими воротами ставились Благовещенские храмы.⁸ В 1165 году у южных водных ворот Владимирского княжества на острове у слияния реки Нерль и Клязьма была выстроена церковь Покрова Богородицы.

С Богородицей связаны и священные предметы, оберегавшие благополучие и здоровье крестьянской семьи. Кроме освященных в церкви в четверг Великой предпасхальной недели «четверговой свечи» и «четверговой соли» чудодейственной силой обладала и «благовещенская просфора», принесенная из церкви домой. Ее крошили и клали в семена при посеве.

У деревенских знахарей в наборе 12 лекарственных трав всегда имелась и «богородицына трава» (*thymus serpyllum*).

Хлеб русского крестьянина был обычно ржаным, пшеничная мука шла на «богородицын хлеб» и на просфоры.⁹

В день Благовещения (25 марта по старому стилю – 7 апреля по новому) грехом считалась любая работа, люди даже не отправлялись в дорогу. Для этого праздничного дня не характерно разгульное веселье. Согласно народной вере в этот день не мучили грешников в аду. Накануне дня Благовещения сжигали старые постели и белье больных. Уже в канун этого дня не зажигали огня, и после праздника уже не работали с огнем по вечерам. По народному присловью на Благовещение «птица гнезда не завивает, девица косы не заплетает». И кукушка была наказана за то, что начала вить гнездо в этот день. На Благовещение в русских городах был веселый обычай выпускать на волю птиц из клеток.¹⁰ В юго-западных краях Украины существует поверье, что в этот день прилетают аисты. Тогда пекут пирог в форме аиста, а дети (мальчики) угощают аиста и взамен просят дать им «жита копу» (копну ржи).¹¹ Из 12 великих пятниц, если кто постится в пятницу накануне дня Благовещения «избавлен будет от внутренней скорби и от бедности.»¹²

Великим общенародным праздником считался день Успенья Богородицы (15 августа – 28 августа). К этому дню старались сжать последние колосья на поле.

⁵ Там же, 42–43.

⁶ Там же, 43.

⁷ Там же, 52.

⁸ Максимов С. 1995, 2.

⁹ Сумцов Н. 1996, 173.

¹⁰ Максимов С. 1995, 551–552.

¹¹ Сумцов Н. 1996, 103.

¹² Коринфский А. 1995, 181–182.

Часто это делала сообща вся семья, и, внеся их в дом, ставила под образа. На праздник святили новый хлеб, а после праздника начинался осенний сев. Начинали его обычно старики, которые перед севом должны были вымыться и одеть чистое белье. В праздничный день Успенья Богоматери нельзя было ходить по земле босиком, даже детям.

В облике Богородицы видны черты хозяйки. Она хотя и опосредствованно, однако связана с древним культом матери–земли, никогда не сливаясь с ним. Весной в дни празднования Троицы на третий день праздновались «именины» земли, день ее сотворения, а в предыдущие дни праздновались именины леса и воды.¹³ В день Успенья старики наблюдали, волнуется ли или тиха вода в озере или в реке и по этому судили: ветреной или тихой будет зима. Исследователь православной веры Георгий Федотов считал, что «на Руси происходит ... слияние религии Богоматери с элементами народной религии матери–земли, ... углубление софийного смысла богородничного догмата.»¹⁴ Правда, его мнение, как и мнение других религиозных мыслителей начала 20 века сейчас оспариваются. Александр Панченко считает, что возрожденные ими романтические концепции мифологической школы 19 века сыграло печальную роль в духовной истории России, что устаревшее общее пользование землей в крестьянской общине привело в итоге к колхозам.¹⁵ В русских духовных стихах об этом поется гораздо дифференцировано:

...Первая мать – Пресвятая Богородица,
Вторая мать – сыра земля,
Третья мать, коя скорбь приняла.
Аще Пресвятая Богородица помощи своей не воздаст,
Не может ничто на земле вживе родиться:
И ни скот, и ни птица, ни человекам быть...
(Записи П.И.Якушкина и Собрании песен П.В.Киреевского. т.1.
233 – 237).

Праздник Успенья Богородицы считался Великой Пречистой, Рождество Богородицы (8–21 сентября) – Малой Пречистой. В этот день навещали молодоженов, осматривали их хозяйство, давали советы и угощались праздничным обедом. Накануне этого праздника был крестный ход с иконой Божьей Матери – Неопалимой Купины, спасавшей от пожаров и от болезней воспалительного характера (антонова огня). После Рождества Богородицы отмечали день Иоакима и Анны родителей Богородицы (9 – 22 сентября).

Большим праздником в России был день Покрова Богородицы 1–14 октября. Праздник этот возник в Византии, где не сохранился. В основе его лежит легенда о чудесном явлении Богоматери во Влахернской церкви во время осады Константинополя. Богородица омочила в воде свой плат, и буря на море разметала вражеские корабли.

В России на 1–ое (по новому стилю – 14) октября часто выпадает снег, которому так радовались русские люди: налаживался санный путь, в деревнях по-

¹³ Максимов С. 1995, 457.

¹⁴ Федотов Г. 1991, 122.

¹⁵ Панченко А.: Мать или мачеха? «Отечественные Записки» 2004/1. Электронный вариант. Интернет.

сле уборки урожая наступало время относительного благополучия и пора свадеб. Девичьи поговорки связывают белый снежный покров земли с головным убором – Покровом Богородицы и выражают надежду, что Покров и их покроет, то есть и они выйдут замуж и наденут женский платок. В жизни деревни это был важный день: заключали договора, происходил найм на работу «от Покрова до Юрьева дня» или «до Крещения».

Но Богородица присутствовала в жизни людей не только в свои праздничные дни. Ее чудотворные иконы являлись всегда у дерева или на его ветвях (Калинский, 273, Максимов, 469). Икона Неопалимая Купина при молотье хлеба была в отапливаемом овине (Максимов, 283), при пожаре, выносилась в поле во время засухи (Калинский, 273. Коринфский, 311). У громового ключа в часовне рядом с иконой Ильи пророка была икона Божьей Матери (Максимов, 434). Опашка деревни при эпизотерии совершалась с иконой Богоматери и Св. Власия покровителя скота (Максимов, 454).

После Пасхального богослужения в Кремле царь обходил с милостыней тюрьмы и богадельни (Коринфский, 157). И в деревнях в первый день Пасхи священник с молебном обходил дома, и на пороге, держа в руках Божью Матушку, его встречала молодка (Максимов, 565). Духовный стих «Сон Богородицы» многие носят как оберег на шейном кресте (Максимов, 264).

В христианские праздники вошли древние символы неба, огня, воды, земли, дерева. Эти символы богаты значениями. В славянских языках, пишет известный лингвист Александр Потебня, «обилие слов на основе представлений огня и света... Как душа и жизнь, так и частные проявления связаны с этими понятиями. От слова «гореть» происходит «жертва», «жрать», «жар», «жажда», так и понятия духовного порядка: «желать», «жалить», «жалеть», «желанный» (милый).¹⁶ «Связь любви с огнем нашла выражение в словах: печь, печаль, жаль (горе) и скорбь, скорбный (скорблый, сухой)... И понятие красоты (красивый, красный) связаны с солнечным светом: «крес» – солнцеворот, «кресник» – купало, «красить» – освещать солнцем...

Так и золото родственно зеленому (молодому, живому). «Красное золото» – символ красоты.¹⁷ Так же богата значениями вода, эпитет которой всегда «здоровая». Когда на Пасху бьют друг друга прутьями вербы, освященной в церкви, то высказывают пожелание: «Будь высок, как верба, здоров, как вода.»

Многие заговоры начинаются с умыванья холодной водой и ограждения себя небесными светилами.¹⁸

Праздник Покрова Богоматери связан с водой и снегом. В Белорусии в этот день девушки зажигают свечу перед иконой Богородицы и говорят:

Святой Покров!

Покрыв землю и воду,

Покрой и меня молодую!¹⁹

Облик Богоматери в народном представлении очень богат значениями. Она всегда «теплая заступница, скорая помощница.»

¹⁶ Потебня А. 1914, 7, 8–9.

¹⁷ Там же, 28–29.

¹⁸ Там же, 54–55.

¹⁹ Там же, 81.

Обогащение праздничного дня народными обрядами, обычаями свидетельствует о вере и богатстве духовной жизни народа, в них сказалась «богословская интуиция народа.»²⁰ В праздничных обычаях, в вербальном фольклоре мы найдем «в мельчайших подробностях моральный кодекс народа.»²¹

В духовных стихах Богоматерь всегда рядом с Сыном и просит его помиловать грешных. Матушка Владычица просит :

«О сыне мой, сыне возлюбленный !

Прости эти души грешные,

Кто сроду матерным словом не бранился»

«О матушка Пресвятая Богородица !

Хочешь ли меня за грешных

Видети на втором на распятии ?»

«О сыне мой, сыне возлюбленный !

Не токмо что видеть на распятии,

Не хочу это и слышати.»

Опять просит матушка

Владычица Богородица :

«Прости, кто сроду не ругался

Из муки из вечныя,

Сыне мой, сыне возлюбленный !»

«О матушка Пресвятая Богородица !

Прошу, кто сроду не ругался,

По твоему по прошению.»... (П.Бессонов: Калики перехожие, V t. № 479).

Народные представления о Богоматери оказали влияние и на иконопись. Тонкие наблюдения высказала американская исследовательница о женских образах в искусстве и литературе средневековой Руси. Она пишет о том, что существует несколько различных обликов Марии среди византийских образцов, изображающих Ее. Однако «основная тенденция тем не менее ясна: Богоматерь в России фигура более лирическая, чем некоторые ее византийские модели.»²² Если на византийской иконе Мать и Дитя «прямы, отдалены и величественны: Мать показывает миру Царя», то на одной из древнейших известных нам икон, на иконе Владимирской Богоматери («исполненной в высшей мере нетипичным для Византии художником») «щека Матери нежно прижата к лицу Дитяти, ее нежно изогнутые руки держат и оберегают его.»²³ Ею начинается целое направление в работе русских иконописцев над иконами типа Умиление. Красота Богоматери одухотворена.

Глубокий знаток и исследователь античной, библейской и христианской культуры, а так же их синтеза С.С.Аверинцев пишет: «благоговение почитателей икон – не это ли свойство нравственной серьезности перед лицом красоты ?» «Уже тысячу лет тому назад, если верить рассказу летописца, наши предки при выборе веры оказали доверие красоте как свидетельству об истине.»²⁴ И далее: «Чтобы красоте

²⁰ Федотов Г. 1991, 117.

²¹ Там же, 109.

²² Делоне Гроссман Ж., 1980, 36.

²³ Там же, 36–37.

²⁴ Аверинцев С. 1990, 68.

можно было поверить, это должна быть особая красота. Потворство чувственности хотя бы «сублимированной» и культ самоцельного артистизма исключены. Именно потому, что от надежности, доброкачественности красоты зависит чрезвычайно много, к ней предъявляются очень строгие требования... Старинное слово «благообразие (у странника в «Подростке»)», выражающее идею красоты как святости и святости как красоты. Красота тесно связана в русской народной психологии с трудным усилием самоотречения.»²⁵

Очень ценны замечания С.С.Аверинцева о значении христианской культуры в России: «Каким бы ни было богатство автохтонных традиций восточно-славянского язычества..., только с принятием христианства русская культура через контакт с Византией преодолела локальную ограниченность и приобрела универсальные измерения. Она соприкоснулась с теми библейскими и эллинскими истоками, которые являются общими для европейской семьи культур (и до известной степени роднят ее с культурами исламского круга). Она осознала себя самое и свое место в ряду, выходящем далеко за пределы житейской эмпирии, она стала культурой в полном значении этого слова.»²⁶

И всё-таки, как модифицируются основополагающие христианские понятия в жизни и культуре каждого народа? И претерпевают ли они изменения в среде местной национальной культуры? Учитывая многие факторы, направляющие становление строя национальной жизни, С.С.Аверинцев пишет о русской святости, что она «будучи православной, имеет предпосылки, общие для нее с византийской святостью. Но эмоциональная ее окраска иная, она отвечает впечатлительности молодого народа, куда более патриархальным устоям жизни, она включает специфические тона славянской чувствительности... Контрасты «кроткого» и «грозного» типа святости здесь не опосредствованы цивилизацией, как это в возрастающей мере происходило на Западе, и не транспонированы в «умственную» тональность как в Византии, – они выступают с такой потрясающей обнаженностью, как, может быть, нигде.»²⁷

Эти замечания большого ученого дают нам возможность более отчетливо понимать специфику и сложный характер, неповторимую красоту культуры любого народа.

Литература

- Аверинцев, Сергей С.: Поэтика ранневизантийской литературы. М. 1977
 Аверинцев, Сергей С.: Византия и Русь: два типа духовности. «Новый мир» 1988/7
 Аверинцев, Сергей С.: Греческая «литература» и ближневосточная словесность». С.С.Аверинцев: Религия и литература. Изд. Эрмитаж, 1981
 Аверинцев, Сергей С.: Крещение Руси и путь русской культуры. // Контекст. Литературно-теоретические исследования. Москва, 1990
 Байбурин, Альберт К.: Ритуал в традиционной культуре. СПб. 1993

²⁵ Там же, 65, 70.

²⁶ Аверинцев Сю 1988, 210.

²⁷ Аверинцев С 1988, 231.

- Байбурин, Альберт – Левинтон Георгий: К проблеме – У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. // Фольклор и этнография. Ред. Б.Путилова. Ленинград 1984
- Бахтин, Михаил М.: Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва 1965
- Deloney, Grossman, Joan: Feminine Images in old Russian Literature and Art. // California Slavic Studies. 1980, 11 t.
- Калинский, И.П.: Церковно – народный месяцеслов на Руси. Забытая книга. Москва 1990
- Каман, Эржебет: Парадигма праздника в трудах М.М.Бахтина и В.Я.Проппа. *Studia mytologica Slavica*. Ljubljana 1999 / 2
- Карташов, А.В.: Очерки по истории русской церкви. Москва 1992
- Коринфский, А.А.: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. (1901) Смоленск 1995
- Максимов, Сергей В.: Нечистая, неведомая и крестная сила. (1873 – 1903) Смоленск 1995
- Панченко, Александр: Мать или мачеха? Журнал «Отечественные записки» 2004/1
Электронный вариант, интернет
- Потебня, Александр А.: О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. Харьков, 1914
- Пропп, Владимир Я.: Русские аграрные праздники. Изд. ЛГУ, Ленинград, 1963
- Пропп, Владимир Я.: Фольклор и действительность. 1976
- Пропп, Владимир Я.: Змееборство Георгия на мосту. // Фольклор и этнография русского Севера. Ленинград, 1973
- «Неизвестный, В.Я.Пропп» СПб, 2002
- Сумцов, Николай Ф.: Символика славянских обрядов. (1981, 1985) Москва, 1996
- Топоров, Владимир Н.: О ритуале. Введение в проблематику. // Архаический Ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. Москва, 1988
- Turner, Viktor : The Ritual Process. Structure and anti-structure. Cornell University Press. Ithaca, 1977
- Федотов, Георгий: Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. Москва 1991

Ljudske šege ob praznikih Matere Božje

Erzsébet Kaman

Letno obhajanje praznikov Matere Božje niso zgolj cerkvene molitve za Marijino rojstvo, Marijino darovanje v templju, Oznanjenje, praznik Marije zavetnice s plaščem, Marijino vnebovzetje in čaščenje njenih čudodelnih ikon, ampak je bogato tudi z obredi in običaji.

Ruski etnografi XVII. in XIX. stoletja so o praznovanju teh obredov pisali kar precej, medtem ko so raziskovalci XX. stoletja ubrali drugo pot. Iskali so arhaične podlage obredov in proučevali njihovo naravo in povezavo z jezikovnimi oblikami in izročilom. Trudili so se razkriti mehanizme, ki so oblikovali strukturo ljudske kulture. Na značaj ljudskega obhajanja cerkvenih praznikov niso bili posebno pozorni. Nov metodološki pristop k raziskovanju narave prazničnega obreda je avtorica našla v delih V. Turnerja, ki v obrednih simbolih ne vidi le "spoznavnih dejavnikov", kajti obred mimo razuma zajame tudi vse človekovo bitje.

V Rusiji so se obhajali vsi datumi iz življenja Matere Božje same in skupaj s prazniki njenega Sina. Po pokristjanjenju so hkrati z osrednjimi hrami Božje modrosti, svetega Jurija nad Zlatimi vrati Kijeva in Novgoroda zrasli hrami Marijinega vnebovzetja in Zavetnega plašča Marijinega. Marijino varstvo so zagotavljali tudi posvečeni predmeti, zelišča, živila, zadržki.

Mati Božja se sicer posredno navezuje na staro čaščenje matere zemlje, ne da bi se zlila z njim. Obogatitev praznikov z ljudskimi običaji izkazuje vero in duhovno življenje ljudstva, v jeziku in ustnem izročilu lahko prav tako zasledimo njegov podroben moralni kodeks.

S. S. Averincev v ruskem dojemanju svetosti zaznava specifične tone čustvenosti nasproti "krotkemu" in "strašnemu" tipu svetosti, ki ga razvija zlasti zahodna civilizacija, pa tudi nasproti "umski" tonalnosti bizantinskega tipa.